

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.11>

Немкова Дарья Александровна

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В ЖАНРЕ "SHORT STORY CYCLE" (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА "СЕВЕРНЫХ РАССКАЗОВ" ДЖ. ЛОНДОНА)

В статье представлен анализ художественного времени и пространства, выступающих в роли одного из ключевых циклообразующих факторов в таком жанре, как "short story cycle". Осмысление этих категорий на материале цикла "северных рассказов" Дж. Лондона позволяет интерпретировать их с совершенно новой позиции - цельного эпического художественного произведения. Основное внимание автор акцентирует на структурных связях в тексте, где хронотоп является главным элементом, модифицирующим цикл "северных рассказов" в отдельный художественный мир Севера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 2. С. 268-271. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.111

Дата поступления рукописи: 11.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.11>

В статье представлен анализ художественного времени и пространства, выступающих в роли одного из ключевых циклообразующих факторов в таком жанре, как “short story cycle”. Осмысление этих категорий на материале цикла «северных рассказов» Дж. Лондона позволяет интерпретировать их с совершенно новой позиции – цельного эпического художественного произведения. Основное внимание автор акцентирует на структурных связях в тексте, где хронотоп является главным элементом, модифицирующим цикл «северных рассказов» в отдельный художественный мир Севера.

Ключевые слова и фразы: хронотоп; пространство; время; Джек Лондон; цикл «северных рассказов».

Немкова Дарья Александровна

Московский государственный областной университет
kaf-iszar@mgou.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В ЖАНРЕ “SHORT STORY CYCLE” (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА «СЕВЕРНЫХ РАССКАЗОВ» ДЖ. ЛОНДОНА)

Художественные пространство и время являются важнейшим компонентом поэтики любого произведения. Данные категории определяют и характеризуют основные координаты художественного мира в тексте, организуют композицию и обеспечивают целостное восприятие художественной действительности произведения. По мнению М. М. Бахтина, именно через хронотоп все элементы произведения «наполняются плотью и кровью, приобщаются художественной образности» [1, с. 180]. Исходя из подобной интерпретации – время и пространство выступают необходимым условием любого повествования, в котором только и возможно жить художественному тексту.

Важно отметить, что ученый трактует «хронотоп» не только как взаимосвязь времени и пространства, но и как образ этой взаимосвязи (дорога, замок, порог и т.д.). Тесная связь между всеми типами хронотопов и наложение хронотопов оказывают большое влияние на сюжет произведений, «в хронотопе завязываются и развязываются сюжетные узлы. Можно прямо сказать, что им принадлежит основное сюжетобразующее значение» [Там же]. Большой хронотоп, по мнению М. М. Бахтина, всегда включает в себя неограниченное количество мелких хронотопов, «ведь каждый мотив может иметь свой особый хронотоп» [Там же, с. 400].

Как верно отмечает О. Е. Осовский в монографии, посвященной проблеме научного наследия М. М. Бахтина, несмотря на высокую интеллектуальную мощь «бахтинского сознания» и его работ, он «оставил на поверхности не один ключ, при помощи которого можно пролить свет на многое» [12, с. 98]. За последние сто лет изменилось восприятие времени и пространства и, как следствие, изменилась форма их существования в произведении. По словам А. Б. Есина, за этот феномен отвечает «индивидуализация пространственно-временных форм, что связано и с развитием индивидуальных стилей, и с возрастающей оригинальностью концепций мира и человека у каждого писателя» [5, с. 59]. Отсюда и тенденция к созданию и использованию новых терминов, проистекающих из бахтинского понятия «хронотоп».

Рассказы Дж. Лондона, объединенные общим образом Севера, в российском литературоведении принято называть циклом [2; 3; 10; 11; 15], а среди американских литературоведов – группой рассказов [20, р. 24], скрепляющим элементом которой является повествовательное обрамление. По мнению Дж. Макклиттока, именно рамочная композиция является основной формой, на которой построены “collections of Alaskan stories” [Ibidem, p. 1], что не входит в противоречие с восприятием рассказов как «цикла» в российской науке. Традиционно к «северному циклу» относят следующие сборники: «Сын Волка» (*The Son of the Wolf: Tale of the Far North*, 1900), «Бог его отцов» (*The God of His Fathers and Other Stories*, 1901), «Дети мороза» (*Children of the Frost*, 1902), «Мужская верность» (*The Faith of the Men and Other Stories*, 1904), «Любовь к жизни» (*Love of Live and Other Stories*, 1907), «Потерявший лицо» (*Lost Face*, 1910). Нам представляется необходимым расширить цикл «северных рассказов», включив в него анализ других рассказов, продолжающих северную тематику, но не вошедших ни в один из сборников (к примеру, «Рождество по-клондайкски», 1897; «Стакан с костями дьявола», 1898 и др.), поскольку цикл рассказов – это единый текст, в котором имеет значение каждый рассказ, дополняющий и развивающий художественный образ мира Севера.

В США за последние тридцать лет издано несколько монографий, в которых заметное место занимает анализ «Аляскинских историй» [19], но особенное внимание заслуживает монография Дж. Ауэрбаха [17], где фактически изображено становление Лондона как писателя и, что важнее всего, впервые в литературоведении определены мифологические истоки некоторых рассказов «северного цикла». В отечественной науке имя Джека Лондона до сих пор вызывает неподдельный интерес, появляются новые крупные исследования [10; 11; 16], в которых прослеживается явная тенденция переосмысления как творческого наследия автора, так и пройденного им жизненного пути. В современных исследованиях российских ученых «северный цикл» становится предметом анализа с точки зрения формирования повествовательных стратегий автора и его философско-эстетических принципов.

По мнению Ф. Ингрема, создателя первой теоретической монографии о цикле коротких рассказов, одна из фундаментальных характеристик любого художественного произведения в форме “short story cycle” –

это «динамическая модель повторяющегося развития» (*the dynamic pattern of recurrent development*) [18, p. 124]. Специфика этой художественной формы подразумевает необходимость сосредоточить внимание на связях между элементами цикла. Подобный ракурс позволяет увидеть смыслообразующий стержень и структурное целое, лежащие в основе всех рассказов в цикле. Художественный мир Аляски представлен в рассказах как динамичная структура, проходящая разные стадии развития: от начала освоения северных земель к кульминации освоения Клондайка «белым человеком», что позволяет выделить несколько основных организующих центров событий («хронотопических ценностей» [1, с. 392]), совокупность которых имеет сюжетообразующее значение и составляет хронотоп художественного произведения. «Хронотопические ценности» не только участвуют в развитии сюжета, композиции, выражают авторскую точку зрения, но и, что самое главное, позволяют представить художественный мир как нечто протяженное во времени, со своей динамикой, персонажами и предметным миром.

Физическое пространство – это пространство, в котором литературные построения при описании исторических событий должны соответствовать физическим реалиям. В «северном цикле» физическое пространство отображено при помощи действительных топонимов и гидронимов. Это реальное местоположение, существующее на карте, оно топографически точно, и его можно определить: Акатан, Берингово море, бухта Головина, форт Сент-Майкл, река Литл Пил, Большое Медвежье Озеро и др. Это имена собственные, обозначающие географическое название объекта, что подчеркивает историческую достоверность конкретных описываемых событий и мест. Через топонимы и гидронимы отображена также история развития и освоения Севера, его многонациональной истории.

Перцептивное пространство представлено в тексте посредством авторских отступлений или через сознание героя, участвуя в создании подтекста. Подобное изображение пространства в художественном тексте характеризуется эмоциональным воздействием на сознание читателя, в частности в осмыслении им проблемы экзистенциального одиночества человека в условиях Севера. Так, в рассказе «В далекой стране» (сб. «Сын Волка», 1900) холод, голод, испытания суровой действительностью влияют на душевное состояние героев: «Все на Севере обладало подавляющим воздействием, отсутствие жизни и движения; мрак, бесконечный покой погруженной в размышления земли; жуткое безмолвие, которое превращало эхо каждого удара сердца в кошунство; мрачный лес, который, казалось, сдерживает нечто ужасное, невыразимое, которое не могут охватить ни слово, ни мысль» [9, т. 1, с. 89]. Прошлое человека на Севере не имеет значения, здесь другие условия и ценности, человек должен проявить себя как сильная личность в этих экстремальных условиях.

Планетарно-космическое пространство носит условно-метафорический характер, отвечая за символическую составляющую в художественном тексте. Подобные пространственные образы определяются деталями из реальной действительности, что придает повествованию национально-историческую специфику, а конфликтам – вневременную и внепространственную коннотацию. В подобных образах местоположение, которого не существует на карте, как правило, представлено развернутыми метафорами [10, с. 168] – Страна Солнца; Там, где кончается радуга; Там, где расходятся пути; Тропою ложных солнц и т.д. Такие определения без каких-либо конкретных топографических обозначений служат созданию философского подтекста.

Архетипическое пространство в цикле «северных рассказов» отображено в понятиях «дорога», «путь». Образ дороги имеет двойственное значение. С одной стороны, это вполне реальное расстояние, преодолеваемое героями рассказов за один день (*journey, journeying* (путь, перегон)), с другой стороны, для многих героев рассказов дорога или путь (*way, trail, road* (путь, дорога)) актуализирует проблему выбора жизненного пути. М. М. Бахтин описывал дорогу как место случайных встреч, где «своеобразно сочетаются пространственные и временные ряды человеческих судеб и жизней... Это точка завязывания и место совершения событий» [1, с. 174]. Если воспринимать понятие общего пути, пространства и времени как общего пути жизни, можно опровергнуть тезис о расхождении путей между расами: белых «пришельцев» из «мира Больших Городов» [10, с. 168] и аборигенов Севера – индейцев и эскимосов.

Индивидуальные пространственные образы отображают внутренний мир героя и автора. Пространство Севера, увиденное глазами Джека Лондона, представлено в авторских отступлениях, в речи героев, вне зависимости от их расовой принадлежности. Выявить, чья именно позиция предложена читателю, помогают названия, которыми герои обозначают то или иное место. Это обозначение пространства характерно для мифологического сознания народов Севера: «по другую сторону истоков реки Танан» [9, т. 1, с. 61]; «на краю полярного моря» [Там же, т. 3, с. 263]. Территория Аляски как пространство имеет для индейцев особенное значение, ведь, в отличие от «людей цивилизации», они не знают другого места в мире, кроме этих бескрайних белых просторов: здесь они рождаются и умирают, не нарушая циклический ход времени и соблюдая традиции своего рода.

Топонимы, которые используют старатели – старожилы Севера – в своей речи, являются особыми лингвистическими маркерами, при помощи которых они определяют людей своего круга. Так, в рассказе «Осколок третичной эпохи» повествователь отмечает, что вновь прибывший к костру путник, рассказывая об охоте на мамонта, описывает знаменитую реку по-своему: «Я заметил, что он называет Клондайк по старинке, на местный лад Рекой Северного Оленя – привычка гордых старожилых, не желающих, чтоб их смешивали с чечачо и прочими неженками» [Там же, т. 2, с. 464]. Такое использование гидронима выступает неким «кодом» для искушенных охотников, рыбаков, золотодобытчиков и позволяет мгновенно герою рассказа отнести незнакомого человека к разряду «своих», что немаловажно в тяжелых условиях выживания на Аляске.

Закрытое и открытое пространства в художественном тексте отражают сознание героя и его мировоззрение, выступая в роли образов-символов. Данный тип пространства очень важен, т.к. напрямую влияет на тип повествования, развитие конфликта и сюжетопостроения в рассказе. Пейзажные образы в рассказах автор представляет

в виде открытого пространства: край света, Вселенная, мир, территория, тундра (*the edge of the earth, Universe, world, inland, tundra*), – подчеркивая тем самым необычный колорит северных земель. Закрытые пространства – хижина (*cabin, tent, hunting-camp*), иглу (*igloo*), барак (*barracks*) – требуют иного повествования. В таких рассказах динамика почти полностью переключается на рассказчика-очевидца. Заданная зачином иллюзия устного рассказа (*talk-tale*) сопровождает беседу около костра или в хижине старателя. Так, территория Аляски в рассказах состоит из разных пространственных слоев – от небольшого замкнутого пространства до открытого.

Особого внимания в связи с определением типологии временных категорий в «северном цикле» заслуживает монография российского лондоноведа И. Е. Луниной. Наряду с определением особенностей пространственных образов в творчестве американского писателя в работе поднимается вопрос о мифологизации и символизации художественного времени, а также выделено два основных типа времени в «северных рассказах» – объективное и субъективное. Каждая из групп, в свою очередь, включает в себя подгруппы. Так, объективное время приравнивается к реальному историческому времени – «до момента активного вторжения белых», «начало активного освоения Севера» и «кульминационный момент в процессе освоения» [10, с. 167]. Субъективное время, «существующее в сознании героев», отражает «все происходящее в настоящий момент в соотношении с прошлым (как своим личным, так и прошлым нации, расы, этноса)» [Там же, с. 168]. Данная классификация художественного времени в «северных рассказах» – единичный случай в отечественном литературоведении, что, несомненно, позволяет говорить о необходимости дальнейшего изучения данной категории.

Природное время жителям «северного края» заменяет календарное время, без которого цивилизованный человек слабо представляет свою жизнь. Как правило, способ летоисчисления аборигенов отличается от обозначения времени у белых людей. Если бы речь шла об американце, русском, мексиканце или ирландце, то мерой летоисчисления послужило бы обозначение, принятое в цивилизованных странах, – недели, месяца, года, десятилетия, т.е. линейное время. Время же у индейцев обусловлено мифологическим сознанием, ему свойственно отождествляться с пространством и быть циклическим [6]. Так, в рассказе «Сказание о Кише», несмотря на то, что автор прибегает к контекстуальной метафоре, точный возраст индейца понятен читателю: «...он видел тринадцать солнц» [9, т. 3, с. 263]. Параллельное использование Лондоном линейного времени, свойственного англосаксам, и циклического времени, свойственного индейцам, актуализирует в тексте противоречие между двумя цивилизациями.

Мифологическое время вытекает из календарного, оно тесно связано с сакральными традициями, направленными на преобразование бытия человека. Вместе с тем оно оказывает существенное влияние на характеры, поведение персонажей, на суть конфликта в рассказах и, что важнее, способствует авторскому осмыслению трагического характера событий, связанных с неизбежным контактом двух миров. Такое время сопровождается своеобразными историями и легендами, созданными как золотоискателями, так и местными жителями. Для индейцев это наблюдение над ассимилированными соплеменниками и ощущение чужеродности опыта цивилизации применительно к индейскому миру [4]. Для старожилов мифологическое время – это больше создание традиций фронта, отважные и честные истории покорения северных земель дельцами и авантюристами, начиная с первых агентов компании «Гудзонова залива» 1847 года [7].

Также можно отметить в цикле «северных рассказов» время, которое является промежуточным между субъективным и объективным временем, – это время исторической памяти, отразившее идею культурной преемственности. Подобное время является лейтмотивным во многих рассказах («Лига стариков» [9, т. 1], «Обычай белого человека» [Там же, т. 3], «Шутка Порпортука» [8] и др.), в которых Лондон, сопоставляя и сталкивая белых и индейцев, уделяет особенное внимание тому факту, что вопрос следования духовным традициям важен для всех, вне зависимости от цвета кожи и вероисповедания.

Ретроспективное время реализуется в тексте в образах воспоминаний героев о далеком или недавнем личном прошлом, прошлом их рода, расы, а также в образах предсмертных бредовых видений, повествование о которых ведется либо от первого лица, либо в форме несобственно-прямой речи от имени повествователя. Подобный ретроспективный обзор в тексте «северных рассказов» имеет определенную цель: увидеть в прошлом причины, определяющие настоящий момент. Такого рода повествовательные решения актуализируют рефлексивный характер кульминационного момента в развитии темы борьбы, противостояния в рассказе. Наиболее характерным для ретроспективного времени является противопоставление событийного и повествовательного времен. Дж. Лондон «играет» не только временем в рассказах, но и мирами, по которым герои легко перемещаются при помощи собственного сознания. В рассказе «Закон Жизни» объективное место действия обозначено автором как «Безмолвие», но субъективное время выражено при помощи предсмертных воспоминаний главного героя. Старый Коскуш «размышлял о днях своей юности», вспоминая о том, «как он сам бросил своего отца в верховьях Клондайка», о временах Великого Голода, о временах изобилия, погружаясь «в мысли о прошлом» [9, т. 1, с. 259], он не боится смерти, считая это естественным законом безучастной Природы. Ретроспективное время организует сюжетную линию в рассказах «Рождество по-клондайски» [8, с. 240], «Обычай белого человека» [9, т. 3, с. 249] и др.

Таким образом, пространство и время в цикле «северных рассказов» Дж. Лондона имеют устойчивые, повторяющиеся элементы, которые взаимодействуют и дополняют друг друга. Пространство как область (в пределах которой развиваются события рассказов) и время (как элемент, устанавливающий причинно-следственную связь между событиями) оказывают большое влияние на развитие сюжета в рассказах, организуя единую художественную систему внутри цикла. Клондайк Джека Лондона – это определенное место и время, отдельный художественный мир, со своими проблемами, правилами и межличностными отношениями. Хронотоп на протяжении всего цикла выступает в роли основного связующего композиционного элемента, трансформирующего рассказы в единый «цикл коротких рассказов».

Список источников

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Богословский В. Н. Джек Лондон. М.: Просвещение, 1964. 239 с.
3. Быков В. М. По следам Джека Лондона. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 239 с.
4. Ващенко А. В. Характерные особенности литературы индейцев США (60-е – 70-е гг. XX в.): дисс. ... к. филол. н. М., 1975. 213 с.
5. Введение в литературоведение: учеб. пособие для студ. вузов / под ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа, 2004. 680 с.
6. Егорова И. Н. Проблема обретения идентичности в романах Л. Эрдрик: дисс. ... к. филол. н. М., 2014. 170 с.
7. Лонгдон Дж. Революция. Л.: Мысль, 1925. 160 с.
8. Лондон Дж. Собрание сочинений: в 2-х т. / пер. с англ. М.: Терра, 2001. Т. 1. 383 с.
9. Лондон Дж. Собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Правда, 1976. Т. 1. 429 с.; Т. 2. 479 с.; Т. 3. 431 с.
10. Лунина И. Е. Художественный мир Джека Лондона: монография. М.: Издательство МГОУ, 2009. 338 с.
11. Лютянский В. М. Концептуализация пространства в цикле «Северных рассказов» Джека Лондона // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3. С. 80-83.
12. Осовский О. Е. Диалог в большом времени: литературоведческая концепция М. М. Бахтина. Саранск: Изд-во МГПИ, 1997. 192 с.
13. Политов А. В. Историко-философский анализ концепций хронотопа А. А. Ухтомского и М. М. Бахтина: дисс. ... к. филол. н. Пермь, 2015. 155 с.
14. Пыхтина Ю. Г. К проблеме использования пространственной терминологии в современном литературоведении // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 11 (160). С. 29-36.
15. Самамбетова М. К. «Северные рассказы» Дж. Лондона. Проблема жанра и стиля: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1978. 21 с.
16. Танасейчук А. Б. Джек Лондон: одиночное плавание. М.: Молодая гвардия, 2017. 336 с.
17. Auerbuch J. Male Call: Becoming Jack London. Durham: Duke Univ. Press, 1996. 289 p.
18. Forrest L. I. Representative Short Story Cycles of the Twentieth Century: Studies in a Literary Genre. The Hague: Mouton, 1971. 234 p.
19. Lundquist J. Jack London. Adventures, Ideas and Fiction. N. Y.: Ungar, 1987. 269 p.
20. McClintock J. Jack London's Strong Truths: A Study of His Short Stories. 2nd ed. Michigan State University Press, 1997. 225 p.

**LITERARY TIME AND SPACE IN THE GENRE “SHORT STORY CYCLE”
(BY THE MATERIAL OF THE “NORTHLAND STORIES” CYCLE BY J. LONDON)**

Nemkova Dar'ya Aleksandrovna
Moscow Region State University
kaf-iszar@mgou.ru

The article presents the analysis of literary time and space acting as one of the key cycle-forming factors in such a genre as a “short story cycle”. Comprehension of these categories by the material of the “Northland Stories” cycle by J. London allows interpreting them from a completely new position – as an integral epic literary work. The author focuses on structural links in the text, where the chronotope is the main element modifying the “Northland Stories” cycle into a separate literary world of the North.

Key words and phrases: chronotope; space; time; Jack London; “Northland Stories” cycle.

УДК 8; 82

Дата поступления рукописи: 15.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.12>

В данной работе исследуется галерея портретов женских образов в романе народного писателя Тувы С. Сюрюн-оола «Өске кадай» («Посторонняя женщина», 1980). В своем романе писатель реалистично показал жизнь типичной городской молодежи, поднял вопрос социального порицания, стяжательства среди молодых людей, воссоздавая духовную пустоту, безответственность и распущенность двух молодых женщин Эмер-кыс и Самы. В создании портрета своих героинь писатель использует приемы контраста, художественного параллелизма, сравнения, действия и др. Разные образные характеристики наделяются и исконными народными чертами тувинской женщины – покорностью судьбе (Шоваа Шожутовна), благородством, преданностью, материнской заботливостью, равнодушием (Дензиваа) и способностью осознать пагубность своего положения и найти свое место в обществе (Эмер-кыс и Сама).

Ключевые слова и фразы: образ; характер; внутренний мир; поступки и действия; внешний облик; душевное состояние; переживания; приемы контраста, параллелизма, сравнения.

Ооржак Шончалай Дадар-ооловна

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, г. Кызыл
Shonchalaj_oorzhak@mail.ru

**ГАЛЕРЕЯ ЖЕНСКИХ ПОРТРЕТОВ
В РОМАНЕ С. СЮРЮН-ООЛА «ӨСКЕ КАДАЙ» («ПОСТОРОННЯЯ ЖЕНЩИНА»)**

В прозе 1970-1980-х годов в многонациональной советской литературе ведущими становятся произведения с личностно-познавательной проблематикой. Характерной особенностью того периода было изображение